

КУРС ЛЕКЦИЙ В. М. МАРКОВИЧА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Из всех курсов, читавшихся Владимиром Марковичем Марковичем (1936–2016), профессором Санкт-Петербургского государственного университета, замечательным теоретиком и историком русской литературы, едва ли не наибольшей популярностью у студентов пользовался цикл лекций, посвященный первой половине XIX века. Для всякого, кто сам когда-то находился в числе его слушателей (подобно автору настоящих строк), вышедший из печати том — яркое напоминание об эпохе, когда интерес к такого рода лекционным курсам был *массовым*, когда в аудитории являлись не только те, кому это полагалось «по программе», но заодно и студенты с других курсов, аспиранты, коллеги, а подчас и посторонние слушатели, не имевшие отношения к филологии. О том, почему подобный культурный феномен (всеобщая тяга к слову лектора-гуманитария) был характерен для последних советских десятилетий, можно было бы рассуждать долго.¹ Сейчас мы этого делать не станем — иначе возникнет ощущение, будто рецензируемая книга представляет интерес по преимуществу мемориальный. Это далеко не так. Превратившись в факт истории культуры, лекционный курс Марковича не утратил своей актуальности. И не только в том смысле, что классика филологической науки не стареет, но и по другой, еще более веской причине. Дело в том, что профессор напряженно работал над этим курсом также в 2000-е годы; именно в той версии, в какой лекции читались им в 2004–2009 годах, они вошли в печатное издание. Перед нами, таким образом, совсем еще недавний плод методологических размышлений видного ученого; хочется надеяться, что его слово найдет отклик в современной научной дискуссии. В последнее десятилетие своей жизни Маркович нередко возвращался к мысли написать учебник нового типа, учебник, в котором был бы проанализирован сам «механизм» литературного развития, его имманентная логика. Из-за тяжелой болезни завершить такой учебник Владимир Маркович не успел. Представление о том, каким образом строилась бы его

концепция развития русской литературы, дает последняя опубликованная при жизни статья, посвященная проблемам эволюции лирики.² Перерабатывавшийся Марковичем вплоть до 2009 года обзорный курс лекций — в какой-то мере замена нереализованного учебника.

При том что общее оглавление курса выглядит вполне традиционно (здесь и поэты «элегической школы», и поэты-декабристы, и «Горе от ума» Грибоедова, и басни Крылова, и неизбежная троица: Пушкин, Лермонтов, Гоголь), привычное персональное рассмотрение биографии и творчества отступает на второй план, уступая место анализу закономерностей литературного процесса. Мысль Марковича сосредоточена не столько на истолковании конкретных произведений (как бы ни были блестящи многие из предлагаемых им интерпретаций), а на тех *проблемах* общего литературного движения эпохи, которые по-своему решал каждый из названных поэтов. Главными действующими лицами такой истории литературы выступают не отдельные персоны, а стили и жанры, лирические формы, структурно разные типы прозаического повествования. Именно за счет их размежеваний, сближений, наложений, синтеза, новых размежеваний и осуществляется, по мнению Марковича, движение литературы. В подобной концепции различима традиция формализма, но, пожалуй, еще отчетливее — более старая и более широкая, неумирающая (потому что она верна?) гегельянская традиция: движение от тезиса к антитезису и снятию противоречия в синтезе. Однако у Марковича акцент делается всякий раз не на снятии противоречий, а на новых проблемных узлах, обнаруживаемых в рамках уже достигнутого, казалось бы, синтеза, — что и делает неизбежным дальнейшее движение. Описываемый таким образом процесс *не телеологичен*, завершиться на каком-либо достигнутом результате он не может.

При очевидных симпатиях Марковича к школе русского формализма и при определенных структуралистских влияниях (замечных в выстраивании типологии литературных форм) приоритетным остается для него подход герменевтический. Описание структурных изменений является не самоцелью, а ступенькой к постижению *смысла*. Более того, в представлении Марковича имманентный подход к изучению литературного текста не исключает желания (и возможности) пробиться к стоящему

* Маркович В. М. Русская литература Золотого века: Лекции / Под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб.: Росток, 2019. 752 с.

¹ Что отчасти уже сделано, в том числе учениками Марковича; см.: Васильева И. Э. Герменевтическое литературоведение как язык культурной эпохи: к дискуссии о кризисе филологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 4. С. 552–566.

² Маркович В. М. Трансформации русской лирики в первой трети XIX века // Русская литература. 2015. № 2. С. 5–28.

за текстом образу действительности — поскольку определенные отношения с действительностью моделируются самими текстами.

В итоге перед нами разворачивается не только картина эволюции стилей, но и просматривающиеся за этими стилями *облики действительности*. Разговор о литературе становится, таким образом, разговором о неких существенных тенденциях в развитии всей русской культуры первой половины XIX века. Особого упоминания заслуживает тот вклад, который вносит Маркович в изучение *утопизма* в русской лирике декабристов, в творчестве позднего Пушкина и даже у Лермонтова. По контрасту с тем он говорит также о другом постоянно возвращающемся лейтмотиве — о *безыллюзорности* видения реальности, о стремлении выйти к действительности, как она есть. В этом отношении особо выделяется раздел о Крылове (увиденном и истолкованном весьма неожиданно), а также раздел о Грибоедове. Напряженное внимание к осцилляции русской мысли между двумя этими полюсами (утопия vs. безыллюзорность) красноречиво свидетельствует и о масштабе личности самого ученого — человека, глубоко рефлектировавшего трагические противоречия русской культуры в целом.

За то, что курс лекций приобрел книжную форму, следует поблагодарить Е. Н. Григорье-

ву — ученицу Марковича и его коллегу по кафедре истории русской литературы СПбГУ. Лекции, транскрибированные ею с аудиозаписей, прошли через ее же редакционную обработку, притом обработку чрезвычайно бережную, нацеленную на то, чтобы передать специфику *устного* слова. В соотношении с работами Марковича, напечатанными при жизни, записи его ораторской речи (изобилующей стилистическими контрастами, иногда намеренно эпатажной, зато всегда доходчивой) дают обильный материал для размышлений над двумя разновидностями научного слова.

Тексты лекций снабжены постраничными примечаниями, содержащими точные указания на источники, к которым отсылал слушателей Маркович. Подобный справочный аппарат существенно обогащает книгу как учебное пособие. В приложении помещена «Автобиография», написанная Марковичем около 2010 года, — текст лаконичный, блистательно остроумный и притом сообщающий чрезвычайно много важного «о времени и о себе». Ярко характеризует атмосферу эпохи и другой документ, опубликованный в «Приложении»: выписка из протокола заседания кафедры истории русской литературы от 22 февраля 1972 года (с обсуждением кандидатуры Марковича на должность преподавателя).

Хочется надеяться, что знаменитый некогда курс лекций благодаря состоявшейся публикации надолго останется хорошим помощником для студентов и преподавателей, для всех, кому интересна не только фактография, но и динамика развития русской литературы XIX века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-259-260

© О. А. Клинг

РАЗГАДКА ТАЙН Н. В. ГОГОЛЯ*

Юрий Владимирович Манн — ведущий гоголевед. Рецензируемая книга вышла к 90-летию юбилею ученого. Но исследователь не перестает удивляться Гоголю, ищет разгадки все новых и новых его тайн: «Ни к кому так часто <...> не применяется слово „тайна“, таинственный, как к Гоголю» (с. 101). Манн пишет: «...в противоречии — признании великого значения Гоголя для России и непризнания такового для западного мира (как видим, непризнании неоправдавшемся) — скрыт один из величайших парадоксов <...> русского писателя» (с. 7). Это проиллюстрировано в пер-

вой главе на примере повести «Нос», которую многие (да и сам Гоголь) воспринимали как шутку. Но она приобрела мировое значение. Несмотря на множество предшественников Гоголя (от Гофмана, Рабле до Сервантеса и др.), «рассмотрение повести в контексте мировой литературы привело к осознанию ее исключительной оригинальности» (с. 21). Парадокс «Носа» проявляется еще и в том, что эта повесть по-новому раскрывается в сопоставлении с «Превращением» Кафки, абсурдизмом и сюрреализмом в западной литературе XX века.

Манн считает «смелое сравнение Подколесина с Гамлетом» (с. 14) у А. А. Григорьева ключом к новому пониманию гоголевской «Женитьбы». Правда, Григорьев противопоставлял двух этих героев, а Манн пишет: «Главный

* Манн Ю. В. Н. В. Гоголь: тайны биографии и тайны творчества. М.: РГГУ, 2019. 143 с.